

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

**Смерть Пазухина: Комедия в
4 действиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Смерть Пазухина: Комедия в 4 действиях / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 120 с.

ISBN 978-5-519-84516-8

ISBN 978-5-519-84516-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Прокофій Ивановичъ Пазухинъ, купеческій сынъ, 55 лѣтъ.

Мавра Григорьевна, второбрачная его жена, 20 лѣтъ.

Василиса Парфентьевна, мать ея, 50 лѣтъ; придерживается старыхъ обычаевъ.

Андрей Николаичъ Лобастовъ, отставной генераль 60 лѣтъ, другъ стараго Пазухина, отца Прокофія Ивановича; происхожденіемъ изъ дачныхъ.

Живновскій, отставной подпоручикъ 50 лѣтъ.

Никола Велегласный, мѣщанинъ; пожилой.

Финагей Прохоровъ Блевъ, пѣстунъ стараго Пазухина.

СЦЕНА I.

Небогатая комната въ домѣ Прокофія Пазухина. Съ боковъ и посреди сцены двери. У стѣны диванъ и нѣсколько стульевъ базарной работы; передъ диваномъ столъ, накрытый ярославскою скатертью; на столѣ закуска и вино въ бутылкѣ.

Василиса Парфентьевна, Мавра Григорьевна и Велегласный. (Василиса Парфентьевна одѣта въ темно-синій сарафанъ, сверху котораго накинуть кафтанъ такого же цвѣта; на головѣ у нея черный миткалевый платокъ, заколотый булавкой у подбородка; Мавра Григорьевна въ цвѣтномъ сарафанѣ и въ черной плисовой душегрѣйкѣ; на головѣ у ней такъ называемая „головка“; Велегласный одѣтъ въ черную

суконную сбирку стариннаго покроя, съ вырѣзкой на груди и съ мѣдными дутыми пуговицами по одной сторонѣ вырѣзки и петлями по другой; сапоги большіе.)

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ—держитъ въ рукахъ замасленную рукопись и читаетъ.

«Мужіе имутъ носить одѣяніе коротко, выше колѣну, и штаны натянуты; жены же будутъ имѣть образъ бѣсовскій, главы непокровенны имущи, и на главахъ имутъ носить рога скотскіе и змѣины, уподобяся бѣсу... И тогда будетъ пришествіе антихристово...»

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА.

Господи! страсти какія!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Да никакъ ужъ это и сбывается, Никола Осипычъ?

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Сбывается, сударыня, сбывается... (*Продолжаетъ чтеніе.*) «И возлюбятъ людіе несытое лакомство, безмѣрное питіе отъ травы листвія идоложертвеннаго, кропленнаго змѣинымъ жиромъ; отъ Китянь сіе будетъ покупаемо обмѣною на товары, на оскверненіе христіанскихъ душъ... и тогда будетъ пришествіе антихристово...»

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Господи! да неужто ужъ и чайку-то попить нельзя?

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Не надлежитъ, сударыня, не надлежитъ. Идоложертвенное зѣліе... черви въ утробѣ заведутся... И въ книжкахъ писано: «Китайская стрѣла въ Россію вошла; кто пьетъ чай, тотъ спасенья не чай...» Вотъ отъ лозы виноградныя—это не претитъ, потому что плодъ этотъ красенъ и преестественъ на утѣху человѣкамъ произрастаетъ... (*Наливаетъ рюмку и пьетъ.*)

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Ужъ отъ чаю-то Прокофій Ивановичъ, кажется, ни въ свѣтъ не отстанетъ!

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Ну, и унаслѣдить преисподнюю...

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Видно, ужъ тебѣ, Мавруша его усовѣщивать придется...

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА.

Да нешто онъ меня послушается, маменька! Такъ только, на озорство онъ меня за себя взялъ! Какъ сватался-то, такъ и Богъ знаетъ чего насудилъ, а женился, такъ въ ситцевыхъ сарафанахъ ходить заставилъ...

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

А ты, сударыня, его маленько повымучь, отъ супружества на время отставь, или иную мѣру одумай... Вотъ онъ и почувствуетъ...

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА.

На него эти мѣры-то не дѣйствуютъ, Никола Осипычъ!
(Вздыхаетъ.)

СЦЕНА II.

Тѣ же и Баевъ (старикъ, не помнящій своихъ лѣтъ, поросшій мохомъ и согнутый, одѣтъ въ синій кафтанъ, въ рукахъ держитъ толстый березовый сукъ, на который и опирается).

БАЕВЪ—сильнымъ голосомъ.

Здравствуй, матушка Василиса Парфентьевна! какъ можется?

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Слава Богу, старина; ты какъ?

БАЕВЪ.

А мнѣ чего сдѣлаётся? я еще старикъ здоровенный... живу, сударыня, живу... Только ужъ словно и жить-то надоѣло... (*Садится на стулъ и кашляетъ.*)

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА.

Водочки, что-ли, поднести?

БАЕВЪ.

Не дѣйствуетъ, красавица, не дѣйствуетъ! ни поила, ни ѣства, ничего нутро не принимаетъ... Охъ, да ужъ и старъ вѣдь я, словно даже мохомъ поросъ.

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Ну что, какъ у васъ? Иванъ Прокофѣичъ здоровъ ли?

БАЕВЪ.

Рычить, сударыня, съ мѣста встать не можетъ, а рычить...

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Аки левъ рыкаяй ходить, искій кого поглотити.

БАЕВЪ.

Ноги-то у него, знаешь, отнялись, такъ онъ лежа рычить!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Да хоть бы ты, что-ли, Прохорычъ, его съ простого-то ума вразумилъ... съ чего онъ рычить-то?

БАЕВЪ.

Вразумлялъ я, пыталъ вразумлять, только онъ все рычить... словно онъ и Богъ знаетъ какой енаралъ! (*Встаетъ и деклами-*

руетъ, подражая Ивану Прокофьевичу). «И не смѣй, говорить, мнѣ про подлеца Прокопку поминать! онъ, говорить, меня антихристомъ назвалъ, онъ желаетъ жить, какъ дѣдушки жили, такъ пушай же, говорить, вмѣстѣ съ дѣдушками за пестрою свиньей въ поросяткахъ ходить! фу-фу-фу!» Вотъ какъ осерчалъ! (*Садится.*)

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Ишь ты!

БАЕВЪ.

Да еще говорить: «Онъ, говорить, супротивъ моей воли на поганкѣ женился, чтобы то-есть сына своего, Гаврюшу, имѣніемъ рѣшить, такъ я, говорить, его самого имѣніемъ рѣшу, Гаврюшку-то ему за мѣсто отца сдѣлаю!» Даже и не поймешь, что онъ говорить.

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Смотри-ка, ужъ и жениться нельзя! Не съ него ли примѣръ брать, какъ онъ гнуснымъ манеромъ весь вѣкъ изжилъ!

БАЕВЪ.

И я ему то же говорилъ:—Иванъ, молъ, Прокофьевичъ! развѣ человѣческую плоть легко разсудить! вотъ я, молъ, ужъ на что старъ, а бываетъ, что самъ только дивишься, какъ зацѣмить! Ну и въ Писаніи тоже сказано: не хорошо, то-есть, человѣку одному быть, а подобаетъ ему жить съ супружницей...

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Это справедливо.

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

И съ чего только онъ остервенился такъ? давно ли самъ-отъ, не скобя рыла, безъ стыда въ народѣ ходилъ... только чудо, право!

БАЕВЪ.

Давно ли, сударыня! самъ я своими глазами видалъ, какъ въ Черноборскѣ исправникъ пыталъ его за браду трясти: «не мошенничай, говорить, не мошенничай!» А теперича легко ли дѣло: и браду свою антихристу пожертвовалъ да и сына-то обездолилъ..

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

«Постризало да не взыдетъ на браду твою...» И въ Стоглавѣ такъ сказано!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА—иронически.

Оттого, видно, и сталъ онъ къ бѣсовскому-то житію очень способенъ, что исправники его за бороду часто таскали...

БАЕВЪ.

Таскали, это я самъ видѣлъ, что таскали... То были, сударыня, времена грозныя, такія времена, что даже завѣрить трудно. Ивана-то Прокофѣича папынька волостнымъ писаремъ былъ, такъ нынче, кажется, и цари-то такъ не живутъ, какъ онъ жилъ! Бывало, по недѣлѣ и по двѣ звѣринаго образа не покинетъ, цѣлыя сутки пьянъ подъ лавкой лежитъ! Тутотка они и капиталу своему первоначало сдѣлали, потому какъ и волость-то у нихъ все равно какъ свои крѣпостные люди были. А Иванъ-отъ Прокофѣичъ подростъ, такъ куда тоже вористъ паренекъ сталъ; ну, папынька-то ихній, видѣвши такую ихъ амбицію, что какъ они, изъ-за денегъ, готовы и живого, и мертвого оборвать, и благословили ихъ по питейной части идти... Такъ вотъ каки времена, сударыня, были!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Ну, а теперь, чай, и вспомнить-то ему про эти времена стыдно: во снѣ, дескать, все это видѣлъ!

БАЕВЪ.

Теперь, сударыня, онъ въ благородные, чу, скоро попадетъ!

Губернаторъ-отъ его ужъ въ надворные совѣтники за общепольное устройство представилъ! Только я вотъ ему намеренъ и говорю:—Иванъ Прокофѣичъ! не все ли тебѣ равно въ гробу-то лежать, что купцомъ, что надворнымъ... только грѣхъ, молъ, одинъ!

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Поменьше-то еще лучше, потому какъ тамъ маленькаго-то да смиреннаго на первое мѣсто посадятъ!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Только чудо, право! Ну, а про духовную разговоръ у васъ не было?

БАЕВЪ.

Поминала-было Живоѣдиха, такъ куда тебѣ! еще пуще зарычалъ! Я, говорить, еще годковъ пять поживу, да чего чу! и глупости-то своей до сихъ поръ не оставляетъ, даже ни на шагъ отъ себя Живоѣдиху-то не отпущаетъ!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Она, видно, и сплѣтки-то ему на Прокофѣя Иванныча плететь!

БАЕВЪ.

Она, сударыня, это именно, что она.

СЦЕНА III.

Тѣ же и Прокофій Иваннычъ (средняго роста, совершенно сѣдой, одѣтъ въ синій кафтанъ, носить бороду и острижень по-русски. Входитъ взволнованный и молча опускается на стулъ).

ПРОКОФІЙ ИВАННЫЧЪ.

Что жъ это будетъ? что жъ это будетъ? Господи! Родитель на глаза къ себѣ не пускаетъ, сынъ при всемъ народѣ обзываетъ непристойно... куда жъ бѣжать-то!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Развѣ случилось что, Прокофій Ивановичъ?

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ—не слушая ея.

Кабы не деньги! Господи, кабы не деньги!.. «Ты, говорить, долго ли насъ страмить-то будешь?» И это вѣдь сынъ родной говорить!.. а какъ отъ денегъ отступишься?

БАБЪВЪ.

А ты бы его, сударь, жезломъ маленько поучилъ!

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ.

Ужъ гдѣ мнѣ, Прохорычъ! и жезла-то у меня нѣтъ! Родитель меня отъ себя отшатнулъ, и оттого, можно сказать, всякій человѣкъ меня въ родительскомъ домѣ обругать въ силахъ... Отъ сестрицы Настасьи Ивановны, кромѣ какъ «сиволапъ», и слова другого не услышишь; супругъ ихній, Семенъ Семенычъ, тоже... Даже Живоѣдиха, и та тебѣ въ глаза наплевать поровить... Ужъ гдѣ мнѣ, Прохорычъ! Разумѣется, кабы капиталъ! (*Оживляется и встаетъ.*) Д-да! ладно бы, кабы капиталъ... а безъ капиталу какой же я человѣкъ!

БАБЪВЪ.

Все же, чай, человѣкъ, а не скотина...

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ.

Хуже!.. Ты, пойми, старикъ, что вѣдь ждать-то ему отъ меня нечего, стало быть и уважать меня не изъ-за чего... Ну за что онъ меня почитать будетъ? Развѣ я ему припасъ что-нибудь? Да и связаться-то ему со мной стыдно, потому какъ онъ съ большими господами компанію водить, а я, слышь, въ сермягѣ хожу!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА—Велегласному.

Хоть бы ты, что-ли, отецъ, утѣшилъ Прокофья-то Иваныча!

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Что-жъ, я утѣшать готовъ, сударыня... (*Подходитъ къ Па-
зухину.*) Вспомни, Прокофій Ивановичъ, какъ отцы соловецкіе за
древнее благочестіе пострадали: плечи на удареніе, хребты на
раны, уды на раздробленіе, тѣлеса на муки предавали.

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Эхъ, отецъ! да ты дѣло говори! ты говори, какъ намъ деньги-
то достать стариковы?

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

А и деньги добыть можно; надлежитъ только умудриться
яко змію—и деньги будутъ!

БАЕВЪ.

Умудрись, сударь, Прокофій Ивановичъ!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА — толкая Мавру Гри-
горьевну.

Да говори что-нибудь, Мавруша! утѣшай мужа-то!

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА.

Вотъ, Прокофій Ивановичъ, Никола Осипычъ говоритъ, что
чай пить грѣшно.

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ—становится въ раздумѣ
противъ Велегласнаго.

Д-да... такъ ты говоришь, что чай пить не слѣдуетъ?..

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

Не надлежитъ, Прокофій Ивановичъ, черви въ утробѣ разве-
стись могутъ.

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Оттого-то, можетъ, и мудрости тебѣ, Прокофій Ивановичъ,
Богъ не даетъ, что ты законовъ отеческихъ не слушаешь!

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ—задумчиво.

Господи! хотъ бы поглядѣлъ на деньги-то!

БАЕВЪ.

А поди чай сколько добра у него въ сундукахъ-то напасено!

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ.

Да, напасено... И напасаль-то кто? все я же! я и дѣлами-то всѣми управлялъ, и машину-то всю въ ходъ пустилъ... (*Бьетъ себя въ грудь.*) Могу сказать, ни труда, ни поту не жалѣлъ... всю душу тамъ положилъ!.. А обнесутъ... обнесутъ меня чарочкой! Теперича все одно, сдѣлаетъ ли или не сдѣлаетъ завѣщанье... Коли сдѣлаетъ, стало быть обо мнѣ въ немъ ни гугу, а не сдѣлаетъ, такъ при послѣднемъ часѣ проходимцы все растащатъ!.. Оно, конечно, въ ту пору и обыскать будетъ можно... А молодецъ Гаврилка! какъ онъ давеча передъ самымъ моимъ носомъ руками размахивалъ! «Чтѣ жъ, говорить, ты думаешь, что отецъ называешься, такъ я и на пакости-то твои смотрѣть спустя рукава долженъ!..» Право такъ!

ВАСИЛИСА ПАРФЕНТЬЕВНА.

Господи! вотъ какъ нынче! сынъ на отца лѣзетъ!

ВЕЛЕГЛАСНЫЙ.

«И тогда будетъ пришествіе антихристова».

ПРОКОФІЙ ИВАНЫЧЪ.

Да еще чтѣ говорить! «Я, говорить, и жену-то у тебя отниму, потому что ты старикъ, и жить-то съ ней не можешь какъ слѣдственно!» Мавра Григорьевна! слышишь?

МАВРА ГРИГОРЬЕВНА—потупляя глаза.

Такъ неужто жъ вы противъ такихъ его гнусныхъ словъ смолчали, Прокофій Иванычъ?